

От автора

*Посвящается святителю Николаю,
архиепископу Мир Ликийских,
чудотворцу*

Ну вот, так я и знал, что этим кончится: разоблачили бедного Эдварда (как водится, и переврали)! А я-то... Но скажу устами Давида: «Воставше на мя свидетеле неправеднии, яже не ведех, вопрошаху мя. Воздаша ми, лукавая воз благая, и безчадие души моей. Аз же, внегода они стужаху ми, облачахся во вретище, и смирях постом душу мою... Ты же, человеце равнодушне, владыко мой и знаемый мой, иже купно наслаждался еси со мною брашен: в дому Божию ходихом единомышлением...»

Нет, «в дому Божию», правда, вместе не оказывались, по причине его туда никогда нехождения (вот даже и слово «праведность» никогда не слышал, переврал), но «брашен-то» он «со мной наслаждался»... И вот теперь, ах-ах, он, конечно, понимает, что я за птица, но эти итальянцы — не будут же они зря болтать! Вот он, бедный, и не устоял!..

«Аз же» всячески старался быть научным пай-мальчиком и не позволял себе говорить, что думаю, и псевдоним-то выбрал себе вполне приличный, respectable даже; и всячески старался угодить, чтобы всё было «объективно» и не про неправду, а то, что есть. (Это особенно у них, *С-вых*, ценится!) И что, спрашивается, хорошего в том, чтобы говорить только про то, что есть, и извлекать из предмета, о котором ведёшь речь, только то, что в нем и так уже содержится? Мы что? На добыче полезных ископаемых? То, сырьё, идёт в ход, и из него выделявают потребное для удобства жизни сей. А произведения искусства? Похоже, мы так же точно извлекаем из них нечто подобное сырью и далее, перерабатывая это, доставляем себе удобства... для чего? Ах, что же это я! Ну, конечно же, для «жизни духовной» — так ведь они это называют!

Это, понимаете ли, «духовные ценности»! Прочь! Я, бедный Эдвард, разоблачён, а раз так, то не буду уже больше на эту ярмарку работать, не буду и притворяться, что всё ещё работаю, или извиняться, что не работаю. Но прежде чем я скажу одну сокровенную мою мысль, мысль всей, может быть, жизни — когда ещё ничего нет, и никто не знает, что это будет, и будет ли... Но пусть прозвучит эта мысль, а «тема», «предмет», «поле исследования» — это, в конце концов, вторично. И, так сказать, нормальное состояние книги — это, когда она закрыта, а не когда открыта, ибо открыта она всегда на какой-нибудь странице...

Но прежде этой вот великой мысли надо мне очиститься от одного пятна, которое посадил мне этот благовоспитанный джентльмен. «Антинаучный тип» — сказал он. Ну, слово «тип» оставим ему, оно привычно их чванному высокомерию (хотя и у меня потом, может статься, будут «типы», и слово это, на самом деле, хорошее). Но вот «антинаучный»... Я не «антинаучный», я — «вненаучный», а это — вещи разные. Я не ненавижу науку, я не против неё. Наука — это пока вы не любите. Вот и весь сказ. Невозможно сразу возвестись к любви, сразу всё возлюбить. Мы, грешные, потеряли это состояние, в котором Бог поставил творение своё изначально. И вот — наука. Она не подруга любви, но, для не любящих ещё, она есть лекарство от ненависти. Поэтому она и у меня занимает своё место, но подсобное. У меня она — всего лишь средство как-то обозначить, изобразить созерцаемое интуицией без всякого её (науки) содействия — средство, как говорят, «коммуникабельности». Но тут мы и подходим к великой мысли всей моей жизни, которую я пообещал. Но ещё одну минуточку... Могут сказать: я вот отношусь к такой-то вещи (хорошей, не греховой, сразу договоримся, и не безразличной, как то: материальные блага и тому подобное) — я к ней отношусь спокойно — не люблю и не ненавижу, и что за крайности? Голубчик, вы относитесь к этой-то вещи «спокойно» (как вы выражаетесь) — и хорошо, и пожалуйста! Но только это значит, что она для вас субъективно мертва (нет, в себе она жива, есть же вещи в себе), и вы сами — в этой части безразличия своего к живой вещи — мертвы. И чем больше таких живых вещей, которые вы и не любите, и не ненавидите — тем больше в вас этих участков вашей «спокойной» мертвости. Не той мертвости ко греху и греховным страстям — хорошей мертвости,

которой учит апостол Павел, а мертвости в любви для жизни. Нет, живую вещь можно или любить, или ненавидеть. Любить, значит желать её жизни, а ненавидеть — безумно признавать её жизнь несовместимой со своей, желать её небытия, несотворения. Ибо Бог — Любовь поставил изначально всё творение в состояние жизни и любви, и лишь грехопадение человека, Царя творения, извратило это положение, внесло в него безразличие (не говоря уже о ненависти), нелюбовь, смерть. «Смертию умрёте», сказал Бог (если нарушите Мою заповедь о невкушении плода от запретного дерева), и вот это произошло; и теперь все вещи живы только в себе, то есть, только в возможности возвращения в это первосостояние жизнелюбви — искупления.

И вот, наконец, эта мысль, которую я хочу поставить изначально самой главной мыслью всего, что дальше будет мною написано или не написано здесь, везде и всегда: каждое, любое произведение искусства — живое существо. Любят и не могут тронуть его (если любят) — потому что оно живёт. Я уже подходил к этой мысли, в середине или конце прошлых этюдов, и уже обозначал её там, но теперь пусть она поставится в заглавие и основание всего. Желаящие исторически проследить эту мою мысль пусть читают русскую философию — В. С. Соловьёва, Н. О. Лосского; писателей — А. П. Платонова, Ф. М. Достоевского, Е. Л. Шварца, Х. К. Андерсена. Пусть только не говорят: а, ну понятно, это в каком-нибудь переносно-поэтическом смысле! И не задают глупых вопросов: где же у него тело? Как это оно живёт, когда звучит, что ли? Когда мы его читаем, играем? Каждое произведение искусства есть существо духовное. Духовный, а значит живой — в самом непосредственном прямом смысле — феномен, документ, опыт жизнеобретения этого изначально Божественного устроения и, уже теперь, полного обладания им. В Откровении Иоанна Богослова читаем: «...и цари земные принесут в него (Новый Иерусалим — *Б. Э.*) славу и честь свою». И ещё раз: «...принесут в него славу и честь народов» (Откр., 21:24, 26). Что это за слава и честь народов? Это — жизнь, торжествующая уже теперь — в вещах и свершениях, явленных земными царями и народами ещё в те дни земной истории господства нелюбви и смерти. Эти частицы, мгновения, переживания жизни войдут, вольются славою и честью в жизнь вечную искупленного и заново сотворенного

Богом («се, творю всё новое») нового мира — Нового Иерусалима. И эта слава и честь — это, может быть, даже прежде всего — Личности и Произведения искусства. И тогда скажет царь или народ: я взрастил Баха, я — Деву Марию, я — Соловьёва. И скажет Бог: хорошо, добрый и верный раб, войди в радость Господина твоего!

Но как любить, если не знать, как узнать, если не построишь? О, ленивые, косные сердцем, доколе будете, как детишки, ползать по песочнице ваших уютных мыслей? Ещё больше песка, каждому ребенку песочницу! Стройте, сажайте, знайте; а вдруг полюбивший уйдёт, сбережёт тайну, голоса его не услышишь... Он вдруг посерьёзнее и замолчит и выйдет потихоньку из песочницы от строящих куличики лепечущих детишек. Где Коля, где Оля? И мне вот хочется замолчать и ничего не говорить... Ни «тип», ни «жанр», ни «И. С. Бах»... Ибо и раньше, когда я что-то такое лепетал, цель была иная: подойти как к живому существу; а как? Полюбить. Любят живое существо. Живое существо — Любят!

* * *

А если живое существо любят, то, когда о нём заговорят, тоже будут стараться творить живые существа — произведения искусства. Хочешь сказать о музыке? Хорошо! Скажи так, чтобы это было ответом твоей любви в слове — произведением искусства словесного, которое протянуло бы этому (описываемому тобою) живому существу руку общения. Ибо живым существам природно общаться: хоральной прелюдии, например, с хоралом, на который она написана. Хоральная прелюдия не будет «научно выкапывать» из хорала то, что «в нём содержится». Она — про неправду — создаст свой мир и облик, отойдёт от хорала весьма, может быть, далеко, но этим воздаст ему, наверное, еще бóльшую честь!

Вот и я (ты, она) — всякая моя мысль — в задаче! — есть жизнь, порождённая любовью к предмету моего размышления, и есть произведение искусства второго порядка, которое может на равных общаться со своим оригиналом. Это произведение искусства должно быть ярко, не менее самобытно, чем оригинал, конгениально. Ему не обязательно мыслить и доставать только содержимое оригинала — нет! Оно может мыслить своё — широко, произвольно и бездоказательно! Но пусть это будет жизнь и искусство, достойное своего предмета.